

В.И. Засулич – Г.В. Плеханову

1902, ранее 2 августа'
Лондон

Дорогие Пав[ел], Жорж и Евг[ений],

ваше (писанное Евг[ением]) письмо к Ю[лию] О[сиповичу] получено без него – он в Париже. В[ладимир] И[льич] его распечатал и мне дал прочесть². Я об этом всем думаю, думаю, никак отвязаться от мыслей не могу, и мне хочется, делая вам одно маленькое предложение, снабдить его той большой мотивировкой, из которой и оно (между прочим) вытекает. Относительно статьи об отрезках я, может быть, plus royaliste que le roi³, т.е. менее удовлетворена ею в качестве выражения общего (значит, и моего) мнения, чем, м[ожет] б[ыть], сам Жорж. Хоть бы В[ладимир] И[льич] сделал все требуемые поправки, на мой взгляд, в ней и тогда остались бы следы той специфически русской версии марксизма (сложившейся у самых умных наших товарищей под действием легальной борьбы с народниками), которая т[ак] кричаще сказала в зачеркнутых теперь стран[ицах] о национализации, но бледнее проходит нитью чрез большую часть статьи. При первом чтении я отметила наиболее (после национ[ализации]) коробившие меня места и тогда же спорила о них с В[ладимиром] И[льичем]. В Цюрихе я при чтении статьи⁴ была пришиблена Павловской обидой и не принимала участия в поправке. Отмеченные мною места тогда никого не покоробили, я и подумала, что это моя личная особенность, а в таких случаях я их (свои личные взгляды) обыкновенно кладу в карман. Все же предложенные редакцией (кроме места о национализации) поправки мне казались сравнительно неважными (изобилие Мартынова, полемичность и проч[ее]), внешними, поэтому-то я и не подняла разговора о той минимальности поправок, которые В[ладимир] И[льич] сделал. При втором чтении Вы сделали более существенные поправки, все те почти, которые и мне требовались. Но дело в том, что ведь это не случайное разногласие, я соглашаюсь с Вами, Жорж, что между Вашим марксизмом и марксизмом не одного В[ладимира] И[льича] – он только систематичнее и увереннее других – есть некоторая разница (мой марксизм, часто обвиняемый

в немарксизме, измене, «переодетом либерализме» и проч[ее], уходит при этом от [марксизма] В[ладимира] И[льича] еще дальше, чем Ваш, а с Вашим за последнее время мне все реже случается расходиться), но она такого сорта, что вычеркивание отдельных мест посредством вотировки – плохое оружие в борьбе с ней. Оно годится против чего-ниб[удь] яркого, кричащего – ну, вот, вроде вычеркнутых страниц, – для простых же не кричащих проявлений другого оттенка воззре[н]ий гораздо пригоднее излагать рядом с ними в той же «Заре» другие взгляды, не полемизируя и не затушевывая различия, а выясняя свою точку зрения на тот же вопрос (в данном случае, о крестьянстве; по-моему, следовало бы и общее: о мелких «самостоя[ельных]» производителях). Если бы Вы согласились с этим, то для нас не было бы никакой надобности.

На этом месте мое письмо было прервано получением Ваших записок, вложенных в письмо жены смелого адвоката⁵. Я их все-таки посылаю, кое-ч[то] в них заранее выяснено из того, что теперь пришлось бы выяснять. Вела выше я речь к тому, что нам не нужны поправки в статье, а надо, чтобы б[ыло] ясно, что она не редакционная, а частная статья Ленина. В этом заключалось мое предложение. Жертвой интриги я не стала, но, пожалуй, жертвой легкомыслия Ю[лия] О[сиповича]. Да, поправками В[ладимира] И[льича] после Цюриха я была удовлетворена, хотя статьей в глубине души была по-прежнему очень недовольна, но б[ыла] бы и в том случае, если бы он гораздо полнее сообразовался с цюрихск[ими] указаниями. Против намерения вотировками поправлять слог и манеру изложения такого «старого» писателя я была все время и остаюсь. Что с большинством Ваших новых поправок, относящихся до содержания, я от всей души согласна, – это я и говорила, да они и сами заметили, что они в большинстве случаев совпадают с моими первоначальными нападениями на статью. Но я не вотировала Ваших поправок из-за формы, не внесла от себя предложения о воте и после устранения этого вопроса. Евг[ений] пишет, что «Ж[орж] взял назад лишь тон своих замечаний, но не самые замечания». Я приняла Ваши слова: «Я беру назад свои предложения о поправках» – буквально. Да иначе как же? Один тон можно было взять назад добрым письмом к В[ладимиру] И[льичу], как я вначале предлагала. А так формально, без обращения к нему его можно было взять лишь вместе со сделанными им поправками. Я ждала, не возобновит ли их Павел (как я прежде предлагала), выбравши самые существенные и оставив в покое слог и растянность. Прочитавши письмо Евг[ения] к Ю[лию] О[сиповичу], я написала этому последнему, что, по моему мнению, если В[ладимир] И[льич] не сделает хоть тех поправок, которые ясно сформулированы и к которым присоединился Павел, то следует в той или иной дипломатической форме выразить, что она не говорит от имени всех составителей программы, т.е. всей редакции. А затем принялась писать об этом своем предложении Вам и была застигнута на этом Вашими записками. Когда я Вас уговаривала, Жорж, взять назад поправки, я ведь тут же допускала, что он не сделает поправки, но прибавила, что в таком случае все найдут, что вина на его стороне. Я так думала. В этом я, должно быть, ошиблась. Говорю «должно быть», потому что Ю[лий] О[сипович] неделю как уехал в Париж, а с А[лександром] Н[иколаевичем] я давно не переписывалась. Я судила по своему представлению о них. Что В[ладимир] И[льич] решил не делать поправок (я его выдаю мало, еще меньше говорю с ним. Он все это время страшно расстроен. Н[адежда] К[онстантиновна] говорит, что сплошь ночи не спит), и что отсылку статьи в том виде, как она есть, Ю[лий] О[сипович] мотивирует моей

удовлетворенность[ю] ею, я узнала только от Вас, но ч[то] тут какая-то интрига, этого я не допускаю, но какое-то отчаянное легкомыслие – это несомненно. Мотивировать он мог лишь тем, что никто не предъявил нового требования насчет вотировок. Говорить о моей удовлетворенности, не спрося меня, как я понимаю свое нетребование вотировок, он не имел права. Я ему сейчас же напишу это.

Вы пишете, Жорж: «они, очевидно, хотят разрыва. Ну, а Вы-то?» Мне это не очевидно, но сейчас Вы мне все равно не поверите, так что о них я не буду говорить. А я? Для меня вопрос о разрыве (и борьбе, конечно?) между Вами и ими, право же, – буквально вопрос о жизни и смерти. Такая борьба теперь б[ыла] бы политическим преступлением, отданием С[оциал]-Д[емократического] движения на съедение Соц[иалистам]-Рев[олюционерам], струвистам и проч[им]. Но не одна моя добродетель не позволила бы мне при [...]⁶.

Первые 3 ½ стр[аницы] этого письма писаны до получения ваших (Жоржа и Евгения) записок⁷.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В. 487.120.

Л. 1 – 4 об. Автограф с позднейшими пометами

и примечаниями Л.Г. Дейча. Публикуется впервые.

Примечания

¹ Датируется на основании упоминания о пребывании Ю.О. Мартова в Париже, откуда он вернулся в Лондон 2 августа (Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. С. 69).

² Далее одна строка зачеркнута.

³ Более роялист, чем сам король (*фр.*).

⁴ Рукопись статьи В.И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» была коллективно прочитана и обсуждена на совещании редакции «Искры» и «Зари» в Цюрихе 15 апреля 1902 г. Подробно о переговорах по поводу этой статьи см.: Ленинский сборник. М.; Л., 1925. Сб. 3. С. 304–440.

⁵ Личность не установлена.

⁶ На этом письмо обрывается.

⁷ Это предложение красными чернилами приписано между строк в верхней части первого листа письма. Письма Г.В. Плеханова и Л.Г. Дейча не разысканы.